

Самые лучшие
романы о любви

НАТАЛЬЯ
МИРОНОВА

Романы **Натальи Мироновой** – это современные драмы о коварстве и любви, финал которых всегда оптимистичен. Автор уверен: человек, для которого живы понятия чести и благородства, обязательно добьется справедливости, вытянет свой счастливый билет. В каждой книге вы встретите уже полюбившихся героев прежних историй. И это не случайно: хорошие люди тянутся друг к другу.

Синдром Настасьи Филипповны

Глаза Клеопатры

Тень доктора Кречмера

Случай Растиньяка

Возраст Суламифи

В ожидании Айвенго

Н А Т А Л Ь Я
МИРОНОВА

**СИНДРОМ НАСТАСЬИ
ФИЛИППОВНЫ**

р о м а н

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Миронова, Наталья Алексеевна.

М64 Синдром Настасьи Филипповны : роман / Наталья
Миронова. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с.

ISBN 978-5-04-101845-0

Он увидел ее и понял, что погиб. Красивая... Для него – самая красивая девушка на свете. Его девушка. Но в ней сидит демон разрушения. Пытаясь отомстить за старые обиды, она готова уничтожить и себя, и весь мир вокруг. Как подобраться к ней, как пробиться сквозь стену ненависти и боли? Как распутать кровавые узлы прошлого и выпустить из клетки ее волшебный дар?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Миронова Н., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101845-0

ГЛАВА 1

В конце ноября 2006 года состоялось торжественное открытие «Ателье Нины Нестеровой». Темнело рано, и в небе уже светилась новая неоновая вывеска со стилизованным женским силуэтом и красивым вензелем «Н. Н.» Внутри кипела лихорадка последних приготовлений. Охрана впустила в парадные двери высокого худого молодого человека с копной рыжих волос, но в тамбуре ему пришлось еще раз позвонить.

— Юля, открой, пожалуйста! — раздался знакомый женский голос за дверью.

Замок тяжелой двери щелкнул, она медленно, словно нехотя, отворилась.

В открывшемся дверном проеме стояла самая красивая девушка на свете. *Его* девушка. Он понял это сразу, в первую же секунду, но выговорить ничего не смог. Просто стоял и смотрел на нее. Просто стоял и смотрел.

— Вы к кому? — спросила она странным глуховатым голосом. — Вы кто?

— Я? Я Даня.

Вот и все, что он смог сказать.

Даня Ямпольский родился в 1982 году. Его родители были врачами: отец — хирургом, мать — анестезиологом. Они очень много работали, но весной 1986 года взяли накопившиеся отгулы, чтобы на майские праздники махнуть на машине в Киев, к родителям Анечки, жены Якова Ямпольского. Хотели взять с собой четырехлетнего Даню, своего обожаемого сына, но как раз накануне поездки он простудился и затемпературил. Это, как потом выяснилось, его и спасло. Пришлось оставить его дома в Москве, на попечении дедушки и бабушки с отцовской стороны.

В Киеве Яков и Аня, как и вся страна, прослушали 28 апреля невнятное сообщение диктора о «перебоях» в работе Чернобыльской АЭС. Впрочем, весь город уже гудел слухами. Яков был прекрасным врачом, он все понял правильно и оценил верно. Он забрал Аниных стариков, и они все вместе двинулись на его «жигуленке» в Москву. Чернобыль настиг их весьма своеобразно. Какой-то бедолага-шофер, гнавший груз к месту аварии, заснул за рулем своего «БелАЗа» и вылетел на встречную полосу. При лобовом столкновении в «Жигулях» никто не выжил. Похоронили детей и родителей в одной могиле. А маленький Даня остался сиротой.

Его вырастили московские дедушка и бабушка. Киевских ему так и не суждено было уви-

дети: они приезжали в Москву только раз, на свадьбу дочери, но это было до его рождения.

С московскими дедушкой и бабушкой Дане повезло. Его дед был известным на всю страну адвокатом и правозащитником, решительным противником смертной казни. Когда судили несчастного шофера, убийцу его сына, Мирон Яковлевич Ямпольский выступил на общественных началах с ходатайством, чтобы его не наказывали. Пламенная речь Мирона Яковлевича возымела действие: отпустить шофера на все четыре стороны суд не мог, но ему дали «ниже низшего предела».

Человеком Мирон Яковлевич был легендарным и пользовался уважением в самых разных кругах. В прокуратуре и в партийных органах его ненавидели, но не считаться с ним не могли. Громкую огласку получило, например, его выступление на процессе «витебского маньяка» Михасевича. Он бросил в лицо судьям и прокурорам, что рядом с Михасевичем на скамье подсудимых должны сидеть те четырнадцать следователей, стараниями которых по его убийствам были арестованы четырнадцать невиновных. Четырнадцать раз они заводили новое дело, не желая признавать, что речь идет о серийном убийце. Они фактически стали соучастниками следующих четырнадцати убийств. По сфабрикованным ими делам нескольких невиновных осудили. Одного из них расстреляли, другой умер, отбывая пожизненный срок, третий ослеп в тюрьме. Остальных еще держали в предвари-

тельном заключении и истязали на допросах, выбивая из них признание — «царицу доказательств».

Участь Михасевича Мирон Яковлевич смягчить не смог: все-таки Михасевич изнасиловал и задушил тридцать пять женщин. Его приговорили и расстреляли, хотя Мирон Яковлевич был убежден, что место Михасевича в психушке, а не в камере смертников. Но со следователями, допустившими такой брак в работе, пришлось «разбираться», и это, ясное дело, не прибавило Мирону Яковлевичу популярности в правоохранительных органах.

Зато подзащитные почитали его чуть ли не как святого. Он никому не отказывал в помощи, ему случалось выходить победителем в судебных схватках, защищая невиновных, или — что бывало чаще — добиваясь смягчения приговора виновным, но заслуживающим снисхождения. Его авторитет был непрекаем.

Однажды его квартиру «обнесли», как это называлось на уголовном жаргоне, проще говоря, обокрали. Это было дело рук пары заезжих ворюшек, позарившихся на богатую обстановку. Мирон Яковлевич обратился за помощью к одному из своих бывших подопечных, который вышел на волю и «завязал», но сохранил связи в уголовной среде. Незадачливых гастролеров обнаружили и заставили вернуть все до последней побрякушки. Мирону Яковлевичу еще пришлось за них заступаться: он согласился взять вещи

обратно только при условии, что воровская сходка ничего им не сделает.

Его часто спрашивали, не противно ли ему защищать таких душегубов, как Михасевич, а он отвечал, что любой человек имеет право на защиту и, прежде чем ставить его к стенке, надо еще доказать, что он душегуб.

— Вы и Гитлера пошли бы защищать? — задавали ему «убийственный» вопрос.

— И Гитлера, — соглашался Мирон Яковлевич, но тут же, лукаво подмигивая, добавлял: — Для него это было бы худшим наказанием. Ему пришлось бы терпеть, что его защищает еврей.

Правда, в последние годы, когда появились фашистские молодежные группировки, Мирон Яковлевич часто выступал в суде защитником интересов потерпевших. «Фашисты» его почему-то не приглашали, а он не набивался.

Под стать ему была и его жена Софья Михайловна, врач-психиатр. Эта отважная маленькая женщина поистине творила чудеса. Ей неоднократно удавалось выводить из тяжелого кризиса суицидальных больных. Она не раз рисковала жизнью, сталкиваясь с буйно помешанными, однажды бесстрашно вошла в квартиру, где тяжелый психопат угрожал топором своей жене и детям, и сумела его «уболтать», чтобы он всех отпустил. Она лечила по Фрейд и Юнг в те времена, когда сами имена великих ученых были под запретом. Она открыто выступала против «карательной психиатрии». Ее изредка приглашали в Институт Сербского, когда надо

было установить объективный диагноз. Гореспециалистам, напрочь запутавшимся в противоречащих друг другу «заказных» экспертизах, это было не под силу.

Вот такие дедушка и бабушка вырастили оставшегося сиротой Даню Ямпольского. Он был прекрасно образован и воспитан, при всем своем страстном увлечении компьютерами не стал ни «ботаником», ни занудой, любил музыку, стихи, был центрфорвардом в молодежной футбольной сборной Москвы и играл так, что сам Лужков уговаривал его не уходить. Но он все-таки ушел: компьютеры были для него важнее. Под чутким руководством своего босса Никиты Скалона он записался в секцию карате и стал заниматься в ней регулярно. Никита хотел, чтобы «в случае чего» он умел дать отпор.

Даня вырос веселым и жизнерадостным парнем, смотрел на мир с энтузиазмом, был уверен в своих силах, и смысл слова «скучно» был ему неведом. У него никогда не было проблем с девушками, но до сих пор подружки, такие же веселые и беспечные, как он сам, приходили и уходили, не разбивая ему сердце и не рая свое. Попадались, конечно, и «золотоискательницы», но Даня не совершил ошибки своего друга и начальника Никиты, который женился на лягушке, лишь внешне похожей на царевну. Он был чуток на фальшь и отсеивал таких сразу. Беззаботный секс до поры до времени служил отдушиной, куда уходил избыток его жизненных сил и оптимизма.

Как только Даня, окончив институт, пошел работать на полную ставку, Софья Михайловна настояла, что он должен жить от них отдельно. Она была готова разменять большую адвокатскую квартиру на Сивцевом Вражке, но Даня заявил, что купит себе квартиру сам. Он зарабатывал в «РосИнтеле» пять тысяч долларов в месяц и получал дивиденды с имеющейся у него доли акций компании, а также хоть и небольшой, но все же процент с торговых операций. Увы, он опоздал к распределению квартир в купленном компанией доме в Кривоколенном переулке, но Никита Скалон сказал ему, что еще не вечер, мало ли что на свете бывает, и первая же освободившаяся в доме квартира будет принадлежать ему. А пока Даня взял ссуду в банке и купил себе квартиру в новом доме в Калошином переулке, недалеко от деда и бабушки. К несчастью, за год с небольшим до открытия «Ателье Нины Нестеровой» его дед умер от инфаркта.

После смерти деда Даня старался чаще бывать у бабушки, а она гнала его гулять, сокрушалась, что он слишком мало времени проводит на свежем воздухе, и со свойственным старости самоуничижением говорила: «Иди к своим подружкам. Охота тебе со мной, старухой, время тратить». Даня, смеясь, уверял, что она и есть его самая любимая подружка, возил ее на дачу «дышать свежим воздухом», по магазинам, где она почти ничего себе не покупала, а он готов был купить ей все, что выставлено, или просто за город покататься на машине. Вот это послед-

нее занятие любили они оба, и особенно осенью: просто катить по загородному шоссе, никуда не спеша, и любоваться красотами природы.

Даня с бабушкой ходил на выставки, на концерты, в книжные магазины, которые она предпочитала любым другим, и ревностно следил за ее здоровьем. При любых обстоятельствах он звонил ей каждый день утром и вечером, а она на его тревожный вопрос: «Как ты, ба?», со смехом отвечала: «Не дожدهшься».

У нее были свои друзья, подруги, она часто приглашала их к себе, но категорически настаивала, чтобы Даня не приходил. Ей казалось оскорбительным и неприличным заставлять молодого человека сидеть со стариками. Когда друзья спрашивали ее, как там Даня и почему его не видно, она с затаенной гордостью отвечала: «О, у него свидание».

Зато Даня обожал заскочить к ней со своими друзьями, прихватив по дороге «чего-нибудь вкусненького». Все знали и любили его бабушку. В ней не было ни капли старческой болтливости и суетливости. Как и покойный дед, мастер пения под гитару, она была очень артистична, но выступала в «разговорном жанре». За свою долгую жизнь она накопила множество историй и рассказывала их так, что у слушателей дух захватывало. В компании молодежи она запросто становилась «своей».

Так Даня Ямпольский дожил до двадцати четырех лет. Он не помнил родителей и не тоско-

вал по ним. Он оплакивал деда, но понимал, что тот ушел из жизни легко, и за это надо благодарить бога. Он обожал бабушку, а она отличалась отменным здоровьем. У него была любимая работа, за которую хорошо платили, хотя он готов был делать ее бесплатно, своя квартира, отличная машина и много друзей. Жизнь казалась ему похожей на солнечный летний день, которому никогда не придет конец.

* * *

В этот вечер он принес Нине Нестеровой компьютерную программу включения световых эффектов для ее первого дефиле. Но когда ему открыла дверь самая красивая девушка на свете, *его* девушка, у него все вылетело из головы. Он стоял и смотрел на нее, даже не замечая, что у него от восхищения сам собой открылся рот.

— Юля, кто там? — послышался голос Нины, и она сама — маленькая, изящная, с головы до ног затянутая в черное, как все модельеры, — подошла к дверям.

— Тут какой-то парень, — отозвалась Юля, — только он какой-то стукнутый.

Нина мгновенно оценила обстановку.

— Юленька, по-моему, он *тобой* стукнутый. Это Даня Ямпольский. Здравствуй, Даня.

— Я... а, да. Здравствуй. — Они с Ниной давно уже договорились перейти на «ты». Смешно, она и старше-то его всего на четыре года.

— Даня, очнись. Юлька, брысь отсюда! Что ты мне с парнем сделала?

— Я? — Юля царственно повела плечами. — Ничего.

И она столь же царственно удалилась, а Даня, все с тем же выражением простодушного восторга на лице, двинулся за ней, как ребенок за дудочкой Гаммельнского крысолова.

— Алло! Земля вызывает Ямпольского! — окликнула его Нина, щелкая пальцами в воздухе.

Он не слышал, пришлось схватить его за рукав.

— Что? А, да.

— Что «да»? Ты программу принес?

— Принес, — кивнул Даня, с трудом возвращаясь на землю.

— «Технический нокаут», так ты это называешь? — спросила Нина. — Загрузить-то сможешь?

Даня почувствовал, что задета его профессиональная гордость. Нина на это и рассчитывала.

— Конечно, смогу, — ответил он.

— Ну идем. Я тебя с ней потом познакомлю, — пообещала Нина. — Только помни, это тот случай, когда говорят: «Хороша Маша, да не наша».

Даня пропустил эти слова мимо ушей. Усевшись за компьютер, он успокоился, почувствовал себя в своей стихии. Когда компьютер заурчал, словно сытый кот, считывая, вернее «рас-

паковывая», как сказал бы сам Даня, новую программу, он окинул взглядом зал и сразу нашел ее. Высокая, точеная, как статуэтка, она притягивала взгляд подобно магниту. На ней было бледно-зеленое, почти белое (Даня еще не знал, что этот цвет называется фисташковым) платье из шелка-сырца с воротником-ошейником, но без рукавов, оставлявшее обнаженными плечи и спину. Ее кожа, казалось, была подсвечена солнцем изнутри.

Кругом царил невообразимая суета. Операторы устанавливали камеры, все куда-то бежали и возвращались, спотыкаясь о провода и цепляясь за стулья, только она одна оставалась невозмутимой. Нина подошла к ней и о чем-то попросила, она скрылась за какой-то дверью в глубине зала, но тут же снова появилась на возвышении, которое — это Даня уже знал — называлось подиумом. Высокая, тонкая — сноп золотистого света, выбивающийся из светло-зеленого футляра платья.

«Будет наша», — с неожиданной для себя злостью подумал Даня.

К нему опять подошла Нина.

— Может, попробуем? — спросила она.

— Ноль секунд, — ответил Даня, — сейчас распакуется.

Программа раскрылась, и он дал команду медленного выключения верхнего света. Операторы взвыли, кто-то попытался включить выносной софит, но Даня строго-настрого приказал Нине прекратить это безобразие. Она с